

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Анджей Валицкий

ИНОЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЮ. ПИСЬМА ИЗ «РУССКОГО АРХИВА» (Публикация и комментарии М.А. Маслина)*

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: rf@philos.msu.ru

Статья представляет собой комментированную публикацию писем всемирно известного польского историка русской мысли академика Анджея Валицкого (15.05.1930–20.08.2020) к профессору Михаилу Маслину, заведующему кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Письма Валицкого (1997–2019) вместе с книгами, статьями и другими материалами, переданными им кафедре, составили то, что сам даритель назвал его «малым русским архивом». Письма написаны превосходным русским языком и не нуждались в какой-либо редакционной переработке. В публикации сохранена оригинальность текстов Валицкого, без изменений оставлены некоторые авторские полонизмы. Этот уникальный эпистолярный материал представляет личностное своеобразие научного мировоззрения ученого на основе оценок и суждений, данных им самим. Раскрывается ряд подробностей биографии ученого, его научной работы в Польше, России, Великобритании, США, Японии, Австралии. В письмах разъясняется сущность концепции единого «потока идей» («flow of ideas») как научной модели объяснения развития русской интеллектуальной истории от Просвещения до религиозно-философского ренессанса XX в. Валицкий приводит свидетельства личного общения с Сергеем Гессеном, Исайей Берлином, Лешеком Колаковским, Чеславом Милошем, Джорджем Клайном, Джеймсом Сканланом, Леонардом Шапиро, Мартином Малиа, Ричардом Пайпсом, Николаем Рязановским, Джеймсом Биллингтоном и др. Особое внимание ученый уделил критике западной, особенно польской русофобии, отбрасыванию застарелых штампов и стереотипов о России, основанных на незнании и предубеждениях. Значительный интерес представляют экспертные оценки Валицким общего состояния научной историографии русской философии, ее принципиальных отличий от советского догматического марксизма, последовательным критиком которого был польский ученый.

* Автор публикации приносит глубокую благодарность профессору Иоанне Шиллер-Валицкой за помощь в переписке, не прекращавшейся во время болезни Анджея Валицкого, и за разрешение на издание писем.

Ключевые слова: Анджей Валицкий, русская философия, русская философия за рубежом, советская философия, русская интеллектуальная история, русофобия

Для цитирования: Валицкий А. Иной взгляд на Россию. Письма из «русского архива» / Публ. и коммент. М.А. Маслина // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 2. С. 167–195.

* * *

Первое письмо Анджея Валицкого от 2 января 1997 года передал автору этих строк доктор философских наук, научный сотрудник Института философии РАН В.Ф. Пустарнаков, который был близко знаком с Валицким. Он много раз упоминает его в своей автобиографической книге «Идеи и люди», называет его Володей¹. От Пустарнакова я знал, что Валицкий посещал московский Институт философии в качестве американского ученого; сам Валицкий писал о своем визите в Москву в качестве стипендиата Фонда Гуггенхайма². Поэтому в моей словарной статье «Западная историография русской философии» Валицкий был назван «американским историком польского происхождения»³. Это не понравилось польскому патриоту Валицкому (но, никогда, – националисту). В последующих изданиях словаря, который разросся до энциклопедии, переиздававшейся трижды, в 2007, 2014 и 2020 гг. (каждый раз в расширенном виде) Валицкий фигурирует как «польский ученый»⁴, а сама статья, в которой упоминается он и его работы, получила название «Зарубежная историография русской философии», поскольку в ее предметную область была включена литература о русской философии не только ученых Запада, но и Востока. Особенно большой интерес моего корреспондента при встречах в Москве вызывала информация о подъеме интереса к русской философии в Китае, становящемся мировым центром русских исследований. Так завязалась переписка, длившаяся около 20 лет. Часть писем Анджея Валицкого из его «русского архива» впервые публикуется в «Философском журнале».

М.А. Маслин

¹ Walicki A. Idee i Ludzie. Próba autobiografii. Warszawa, 2010. S. 88, 134, 284, 289, 297, 310, 319, 380.

² Ibid. S. 284.

³ Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 201.

⁴ Русская философия. Энциклопедия. 3-е изд. М., 2020. С. 280.

University of Notre Dame
Notre Dame, Indiana 46556-0368

A. Walicki
Department of History
(219) 631-7266
fax: (219) 631-4268
EMail: History.1@nd.edu

Проф. М. А. Маслик
Редактор Словаря «Русская философия»
Издательство «Республика», Москва

Уважаемый Редактор,

Изданная Вами книга «Русская философия. Словарь» свидетельствует о больших успехах в изучении русской философии, что меня лично очень радует.

О многом, конечно, можно спорить, авторы и подходы разные. В данном письме мне хотелось бы только обратить Ваше внимание на некоторые неточности относительно моего собственного вклада в эту область знания.

В статье о западной историографии русской философии, на стр. 201, Вы назвали меня «американским историком польского происхождения», ссылаясь на американское издание моей истории русской мысли, 1979 (по польски: «Rosyjska filozofia i myśl społeczną», 1973). Книга эта действительно издавалась американским издательством, много раз переиздавалась в мягкой обложке. Тем не менее, я приехал в США только в конце 1986 года, мои работы о русской мысли (название с книги «История и история», 1959, в которой цитирую Зенковского и моего учителя, С. Ч. Тессера)

* * *

02.01.97 University of Notre Dame, Indiana, USA

Проф. М.А. Маслину, редактору словаря «Русская философия». Издательство «Республика», Москва, 1995.

Уважаемый Редактор,

Изданная Вами книга «Русская философия. Словарь» свидетельствует о больших успехах в изучении русской философии, что меня лично очень радует. О многом, конечно, можно спорить, авторы и подходы разные. В данном письме мне хотелось бы только обратить Ваше внимание на некоторые неточности относительно моего собственного вклада в эту область знания.

В статье о западной историографии русской философии, на стр. 201 Вы назвали меня «американским историком польского происхождения», ссылаясь на американское издание моей истории русской мысли, 1979⁵, ранее по-польски, 1973⁶. Книга эта действительно сделалась американским учебником, много раз переиздавалась в мягкой обложке. Тем не менее, я приехал в США только в конце 1986 года, мои работы о русской мысли (начиная с книги «Личность и история», 1959⁷, в которой цитирую Зеньковского и моего учителя, С.И. Гессена) писались по-польски и публиковались в Польше – включая мою большую книгу о славянофилах (1964), по-английски “The Slavophile Controversy”⁸, 1975, а также упомянутую выше историю русской мысли от Просвещения до марксизма. Они были известны некоторым советским ученым (см. «Беседа с польским историком философии, А. Валицким». Философские науки, № 2, 1975, стр. 116–126), ставился (безуспешно) вопрос об их переводе. В Польше они связывались с так наз. «варшавской школой истории идей», связанной с именем известного философа, моего друга Л. Колаковского. Это важно, как свидетельство того, что стереотипы официального советского марксизма тех времен преодолевались, в изучении русской мысли, не только извне, но также отчасти «изнутри», ученым, получившим образование в стране «народной демократии», прошедшим через школу официального марксизма, испытывавшим влияние советской науки и, вдобавок, считавшим себя, в какой-то мере, учеником С.И. Гессена. Тем более, что моя научная деятельность была одушевлена идеей содействия преодолению этих мертвящих стереотипов в самой России и способствования делу интеллектуальной свободы и национально-го пробуждения в Вашей стране. Я обширно писал об этом в автобиографической книге «Встречи с Милошем» (1985)⁹, расширенное издание – Варшава, 1993. Глава из этой книги, в которой говорится об этом, опубликована под заглавием «Россия» в «Вопросах философии», № 12, 1990, стр. 67–88.

Я сохранил польское гражданство, очень часто бываю в Польше, публикуюсь в Польше и являюсь членом-корреспондентом Польской Академии Наук. Сами американцы, как правило, видят меня как польского ученого, и это верно. Мои последние книги написаны в США (или в Австралии)¹⁰,

⁵ Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford, 1979.

⁶ Walicki A. Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu. Warszawa, 1973.

⁷ Walicki A. Osobowość a historia. Warsaw, 1959.

⁸ Walicki A. The Slavophile Controversy. Oxford, 1975.

⁹ Walicki A. Spotkania z Miloszem. Londyn, 1985.

¹⁰ Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987.

но все же они являются продолжением и осуществлением программы, обдуманной в Польше уже в 60-е годы.

Я очень рад, что Вы считаете мои работы известными в России. Вижу, однако, что они упоминаются в Вашем словаре только в английских переводах и очень часто не по первым изданиям (а все-таки важно, может быть, знать, что моя *Legal Philosophies of Russian Liberalism* опубликована впервые в 1987 году, т.е. не *перед* падением СССР, а писалась *перед* «перестройкой», что *The Slavophile Controversy* появилась по-польски в 1964¹¹ и т.п. Прилагаю поэтому список моих публикаций, надеюсь, что он может кому-то пригодиться в будущем¹². Прилагаю также мою книжку о народниках¹³ (первое изд. Oxford, 1969), поскольку она в Вашем словаре не упоминается, а свидетельствует о моем желании включить себя в споры, которые велись между «нечкинистами» и «козьминистами»¹⁴. По-польски она существует в сокращенном виде, как обширная вступительная статья к двухтомной антологии сочинений народников. См. библиография, часть II, позиция 10 [12]. Обращаю Ваше внимание на предисловие к этой книге, указывающее на условия моей работы.

И еще одно. В статье о С.И. Гессене (стр. 114) упоминается его автобиография – «Мое жизнеописание» (Вопросы философии, № 7–8, 1994), – но нет упоминания о моем предисловии и послесловии, а также о том, что это публикация, которую *именно я* представил вниманию русских читателей (см. стр. 151). Нет также упоминания о посвященной Гессену обширной

¹¹ Walicki A. W kregu konserwatywnej utopii. Warszawa, 1964.

¹² Список публикаций Валицкого о русской мысли (до 1997 г.), присланный им в качестве дополнения к его первому письму, насчитывает 204 названия его книг, статей, комментированных переводов сочинений русских мыслителей. Позднее «русский архив» Валицкого пополнился не менее обширным списком работ (после 1999 г.), присланным мэтром для использования в научной и преподавательской работе кафедры истории русской философии. Однако это лишь часть обширного наследия польского ученого, т.к. в эти списки не включены работы, посвященные польской и европейской интеллектуальной истории. В статьях о Валицком автора данной статьи приводятся библиографические данные о его основных работах по истории русской мысли: Русская философия. Энциклопедия. С. 90–91; Маслин М.А. Андрей Валицкий как историк русской философии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2014. № 6. С. 108–121; Он же. «Поток идей»: Новая книга Андрея Валицкого // Философский журнал / Philosophy Journal. 2016. Т. 9. № 2. С. 127–137; Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. М., 2013. С. 657–667.

¹³ Walicki A. The Controversy Over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of Russian Populists. Oxford, 1969.

¹⁴ Валицкий был превосходно осведомлен о состоянии советской историографии русской мысли и посылка книги о народниках «Спор о капитализме» означала, что ему были известны публикации его корреспондента, посвященные оценке народнического наследия. Вместе с тем, его «желание включиться в споры» между «нечкинистами» (учениками академика М.В. Нечкиной) и «козьминистами» (последователями проф. Б.П. Козьмина) отнюдь не свидетельствовало о том, что он присоединился к какой-либо из сторон спора. Подход Валицкого отличался от господствовавшей в советской научной литературе концепции «нормативного» революционного демократизма, которая (несмотря на некоторые нюансы в оценках, особенно у «козьминистов») конструировалась на основе догматической подгонки под цитаты В.И. Ленина. Валицкого интересовала не «степень революционности» тех или представителей русской общественной мысли, а характерные черты их мировоззрения. Он считал (не разделяя народников на революционных и «легальных»), что народничество в целом было первой в истории попыткой осмыслить проблематику «периферии капитализма», предвосхитившей соответствующие построения К. Маркса.

(последней) главе моей книги *Legal Philosophies of Russian Liberalism*, 1987 (первой после долгих лет молчания, если не считать моей вступительной статьи к польскому изд. работ Гессена, 1968. См. мою библиографию¹⁵). Нет также следов знания этих работ: автор полностью игнорирует развитие взглядов Гессена, отразившееся в его книгах на польском языке. Жаль! Надеюсь, что это исправится после издания работ Гессена, подготовляемого «Вопросами философии».

Надеюсь также на поддержание контакта и очень прошу Вас подтвердить получение этого письма.

С лучшими пожеланиями – Анджей Валицкий.

* * *

25.06.012

A. Walicki

Уважаемый Профессор Маслин,

Я очень рад, что нам удалось поговорить и что появилась конкретная потребность дальнейшего контакта¹⁶. Просматриваю полученный от Вас учебник русской философии и радуюсь, что русские студенты могут теперь изучать отечественную философию в ее полном объеме. Приятно было также услышать от Вас о возрастающем интересе к русской мысли в Китае.

В связи с Вашим планом опубликовать в «Энциклопедии» статьи о зарубежных исследователях русской философии посылаю Вам следующие материалы:

1. Ксерокопия страниц 215–226 из моей книги: A. Walicki. *Encounters with Isaiah Berlin. Story of an Intellectual Friendship*. Peter Lang, Frankfurt am Main, 2011. Самым важным является текст «A Panoramic View of My Work», написанный в связи с премией Бальцана 1998 и потом дополненный, содержащий характеристику по содержанию моих главных работ. Текст «Acceptance Address» излагает идейную мотивацию моей работы, биографическая справка исчисляет западные научные институции, в которых мне привелось работать.

2. Список моих книг (включающий вторые издания и переводы), с информацией о других моих работах (научные статьи, издания текстов).

¹⁵ Hessen S. *Studia z filozofii kultury*. Warszawa, 1968. S. 5–46.

¹⁶ Подробный разговор с Валицким состоялся 20.07.2012 в кулуарах международной научной конференции «Александр Герцен и исторические судьбы России», на которой с пленарным докладом выступил мой польский коллега: Валицкий А. Два облика Герцена: философия свободы и «русская идея» // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН, 20–21 июня 2012 г.). М., 2013. С. 30–43. Конференция, в которой участвовали герценоведы из России, Польши, Швейцарии, состоялась в историческом доме на ул. Волхонка, 14, в бывшем особняке князя С.М. Голицына, где более 80 лет размещался Институт философии РАН (расположен напротив воссозданного храма Христа Спасителя). Здесь проходили заседания Следственной комиссии, велись допросы молодого Герцена, закончившиеся его высылкой в Пермь. В знаменитом «красном зале» А. Валицкий открыл памятную доску, посвященную этому событию. В настоящее время вход в это здание закрыт, оно перешло в распоряжение музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

3. Материалы, относящиеся к Бальцановской премии, полученной мною из рук президента Италии 23 ноября 1998 года. Информация о премии Бальцана (полученной, между прочим, такими философами как Ricoeur 1999, Levinas 1989 и Norberto Bobbio, 1994) легко доступна в Интернете.

Относительно «Приглашения к творческому диалогу»: удивительно, но мои мысли о «русской идее» не очень изменились, хотя знание предмета (изложенное в статье для Routledge Encyclopedia), конечно, увеличилось.

Кстати: подтверждаю мое согласие на опубликование по-русски переданных Вам статей, но думаю, что следует написать письмо к издателям энциклопедии (ссылаясь на мое согласие). Адрес: Editors of the Routledge Encyclopedia of Philosophy, Routledge, 11 New Fetter Lane, London EC4P4EE. Или к главному редактору издания, который высоко оценил мой вклад: Professor E.J. Craig FBA, 145 Huntington Rd., Cambridge CB3 0DN. Думаю, что рады будут согласиться.

Кажется все.

С искренними пожеланиями всяких успехов в Вашей научной работе –
Ваш Анджей Валицкий

* * *

Варшава, 24.05.015

Проф. М.А. Маслину

Кафедра Истории Русской Философии
МГУ

Уважаемый профессор Маслин,

Посылаю Вам английский перевод моей книги «История русской мысли от Просвещения до религиозно-философского ренессанса»¹⁷ (польское изд. Krakow 2005¹⁸). Это в полтора раза расширенная и исправленная версия моей «Истории русской мысли от Просвещения до марксизма», изданной по-английски в 1979 г., русский перевод, изд. «Канон», 2013. Прошу Вас принять эту книгу для библиотеки Вашей кафедры, в надежде, что она заинтересует Вас и Ваших сотрудников. Перевод, к сожалению, не очень хорош, в примечаниях много ошибок, но книга свидетельствует все-таки о моей любви к ее предмету¹⁹.

Хотелось бы получить от Вас подтверждение получения книги. Вы можете пользоваться электронным адресом моей жены.

С уважением и лучшими пожеланиями – Анджей Валицкий

¹⁷ Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt am Main, 2015.

¹⁸ Walicki A. Zarys myśli rosyjskiej. Od Oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego. Krakow, 2005.

¹⁹ Английское название данной книги «Flow of Ideas», т.е. «Поток идей», отражает суть концепции русской интеллектуальной истории А. Валицкого, согласно которой она должна быть представлена в виде единого потока, содержащего внутри себя линии-течения разного размера, цвета и конфигурации. Это интегральное видение единства русской мысли отражено в графическом изображении на обложке книги, метафорически передающем суть авторской концепции Валицкого.

* * *

22.09.015

Многоуважаемый Профессор Маслин,

Сердечное спасибо за Ваше письмо, интересную книгу²⁰ и, особенно, за обстоятельную, вдумчивую статью о моих работах о русской мысли²¹. Это, несомненно, одно из лучших целостных обзоров моего научного творчества, без прецедента в России! Для меня очень важно Ваше понимание моего стремления противодействовать недоброжелательным интерпретациям богатого наследия русской мысли и способствовать таким образом лучшему взаимопониманию, нужному везде, но особенно теперь и особенно в моей стране (несмотря на усилия многих людей, в России и в Польше, которые немало сделали в обратном направлении). Ваша статья поддерживает во мне надежду, что это дело, несмотря на все, еще совсем не проиграно.

Относительно статьи для подготовляемой Вашей кафедрой книги я теперь, к сожалению, ничего не могу обещать из-за состояния моего здоровья. У меня сразу несколько болезней (не буду их называть), на днях я был госпитализирован на несколько дней, ничего страшного, к счастью, не нашли, но дали мне детальную, трудно выполнимую программу терапии. Кроме того, проблемы со спиной мешают мне сидеть и писать за столом... Но, может быть, можно было бы поместить перевод одной из моих сравнительно новых (неизвестных Вам) статей? Таких работ, опубликованных после 2008 года, у меня довольно много, некоторые из них по-английски, напр. две работы синтетического характера: (1) «Russian Political Thought of the Nineteenth Century» в *The Cambridge History of Nineteenth Century Political Thought* (Cambridge 2011, p. 811–834) и (2) «Russian Marxism» (до 1930 годов), в книге G.M. Hamburg, R.F. Poole (eds.) *A History of Russian Philosophy 1830–1930* (Cambridge 2010). Или статья по-польски: «Польские и русские мыслители в кругу общих идейных увлечений» из книги *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* (Warszawa 2013), стр. 81–101. Эта статья является хорошим обобщением моих взглядов на русско-польские идейные связи XIX-го и начала XX века. Статья также очень информативна с точки зрения истории идей.

Кстати: если хотите, я мог бы Вам послать актуализированный список моих главных работ по истории русской мысли, а также переводов этих работ (в последние годы появился венгерский перевод книги «Россия, католичество и польский вопрос», турецкий перевод «Истории русской мысли» и, конечно, три книги на русском языке²²).

Мне кажется, что у Вас есть моя работа “A Panoramic View of My Work”, (доведенная до 2009 года) в книге *East and West. History and Contemporary State of Eastern Studies: conference, Centre for East European studies, University of Warsaw, October 26–28, 2008. Ed. by J. Malicki, L. Zasztowt, Warszawa, 2009*. Если нет, я Вам ее пошлю.

²⁰ Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. М., 2013.

²¹ Маслин М.А. Анджей Валицкий как историк русской философии. С. 108–121.

²² На сегодня на русский язык переведены 4 монографии Анджея Валицкого: Философия права русского либерализма. М., 2012; История русской мысли от просвещения до марксизма. М., 2013; Россия, католичество и польский вопрос. М., 2012; В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019.

И еще одно: хотелось бы обратить Ваше внимание на то, что неоднократно высказывался в печати с критикой односторонних, враждебных взглядов на современную Россию и ее политику. В моей книге *O inteligencji, liberalizmach i o Rosji* (Kraków 2007) целая глава посвящена именно этому. Недавно (после перерыва) я заставлен был вернуться к этой теме, посвящая ей в 2015 году три статьи. Но это, конечно, не имеет прямой связи с нашей перепиской.

С лучшими пожеланиями – Ваш Анджей Валицкий.

P.S.

В 2010 году появилась моя интеллектуальная автобиография *Idee i Ludzie. Próba Autobiografii*²³. Она содержит обширную автопрезентацию моих взглядов (не только «научных») на «русские и русско-польские проблемы», а также много информации о поездках в СССР и контактах с русской интеллигенцией, в СССР и за границей. Из нее можно также узнать, что мой отец родился в Петербурге, где мой дед, сын повстанца 1863 года, жил много лет – вплоть до 1920 года – работал как зубной врач, и что моя бабушка, урожденная Manteuffel, принадлежала к семье остзейских аристократов, со многими русскими связями. Русскому языку я учился впервые от бабушки, в конце 1944 года, после Варшавского восстания...

На приложенной фотографии (из автобиографии) видите моего деда, Лео-на, мою бабушку, Марию, и моего будущего отца, Михаила. SPb 1910. О моем дедушке я (в своей автобиографии) писал так: «Мой дед, врач-стоматолог Леон Валицкий интересным образом соединял в себе религиозно углубленный польский патриотизм с великим уважением к русской культуре и с психологией «кающегося дворянина», видевшего в большевизме орудие наказания, которому справедливо подверглись привилегированные классы за свою измену ценностям христианства»²⁴. Что-то от видения революции в «Петербургских вечерах» Де Местра, что-то от толстовской критики цивилизации. Я потом отыскал эти мотивы в своеобразном «прогрессивном катастрофизме» Гессена.

* * *

29.09.015

Многоуважаемый Профессор Маслин,

Пишу Вам еще раз, после прочтения книги «Русская философская мысль на Руси, в России и за рубежом»²⁵. Она произвела на меня большое впечатление, хотя, конечно, к разным статьям отношение у меня неодинаковое. Но важно для меня то, что я опять почувствовал себя в самом центре моих научных интересов, убедился, что есть люди, для которых эти проблемы не «устарели», не сделались маргинальными и не заслуживающими внимания. А также то, что дело моей жизни (а мне уже 85 лет!) не потеряло своего значения. После окончательного возвращения из США в Польшу в 2006 году я перестал считаться американским ученым (перестал получать приглашения, книги, etc.), а в Польше оказался чем-то уважаемым (главным образом за книги, изданные в престижных издательствах Запада, так-

²³ Walicki A. *Idee i Ludzie. Próba autobiografii*. Warszawa, 2010.

²⁴ Walicki A. *Idee i Ludzie. Próba autobiografii*. S. 15.

²⁵ Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. М., 2013.

же и за «варшавскую школу истории идей»²⁶), но «нерепрезентативным» для польского “mainstream”, имеющего «самоизбранных» специалистов по истории русской философии, политологов и политически влиятельных людей, не одобрявших моей решительной критики русофобии. Хуже того, я был маргинализирован также своей критикой несправедливого отношения к Польской Народной Республике и социальных последствий неолиберальной политики свободного рынка. В последнее время к этому добавилась моя внутренняя необходимость занять независимую позицию относительно русско-украинского вопроса, а также оскорбительная статья важной газеты о моем объективном изложении взглядов Путина на русскую философию (Если хотите, могу послать Вам эту мою статью, опубликованную в журнале «Przegląd Polityczny»)²⁷. В этих условиях мне было очень приятно узнать из Вашей книги, что на Украине так распространен интерес к русской философии, что китайские ученые занимаются проблемой примирения Маркса с Достоевским (которая волновала меня в пятидесятые годы), что взгляды многих моих русских коллег на судьбы русской философии в СССР и на ее будущее во многом и основном сходны с моими собственными. Отраднo для меня также то, что нет уже одностороннего сосредоточения на *религиозной* мысли, что появился интерес к новому прочтению нерелигиозных мыслителей. В связи с включением в книгу проблемы «русской философии за рубежом» у меня появились два конкретных предложения, которые предлагаю Вашему вниманию:

Во-первых, относительно Дж. Л. Клайна. Думаю, что Вас могут заинтересовать три документа:

1). Полученная мною от него программа его курса в Bryn Mawr College, 1992–93, показывающая, что моя *History of Russian Thought*, наряду с Зеньковским и одной из книг самого Клайна была основой этого курса русской философии, что подтверждает Ваше мнение о роли этой моей книги в США. Это было очевидно для самого Клайна, а также Скэнлана.

²⁶ «Варшавскую школу истории идей» Валицкий считал трудно интерпретируемым идейным образованием, возникшим как течение ревизии марксизма внутри ПОРП. Вопрос о том, существовала ли эта «школа» как таковая, или нет, Валицкий ставит в письме от 06.02.16 и не отвечает на него однозначно. Сам Валицкий никогда не был членом ПОРП и не занимался политической деятельностью, являясь независимым мыслителем (в отличие от одного из лидеров этой школы, Лешека Колаковского, который был активным политиком). Дистанцируясь от политических аспектов деятельности этой своеобразной «школы», Валицкий в то же время ценил Колаковского как крупного философа и историка идей. Главной своей специальностью Валицкий считал интеллектуальную историю – русскую, польскую и европейскую, но никак не политику или политологию.

²⁷ Предметом статьи Валицкого под названием «Может ли Путин стать идеологом просвещенного светского консерватизма?» явилось не столько «изложение взглядов Путина на русскую философию», сколько рассмотрение разных вариантов обращения в России в постсоветский период к немарксистскому философскому наследию. Этот «консервативный поворот», в противоположность горбачевской перестройке, основанной на вестернизации, выражен, по Валицкому, в разных вариантах идей «консервативной модернизации», восходящих к Хомякову, Ивану Киреевскому (которого он ставил выше Хомякова), Константину Аксакову, Ивану Ильину и др. Сам Валицкий склонялся к признанию ценности для современной России консерватизма в его либеральном исполнении (Чичерин, Новгородцев, Гессен и др.), что подчеркивается в его пионерской монографии, посвященной русской философии права. Именно такая позиция была высказана ученым в его выступлении на презентации данной монографии в Институте философии РАН.

2). Ксерокопия краткого описания конференции, организованной университетом Нотр Дам по случаю моего семидесятилетия, с участием Клайна и Скэнлана.

3). Ксерокопия моей статьи «Russian Philosophers of the Silver Age as Critics of Marxism», London 1994.

Клайн был очень доволен этой статьей, считал ее наиболее важной в целом томе, и проблематика по-видимому не «устарела». Вы не упоминаете этой книги и этой статьи, возможно, что ее не знаете. Мне пришло в голову, что она может быть заслуживает перевода и публикации в России, в упоминутым Вами томе²⁸.

Во-вторых, вопрос о дальнейших судьбах интереса Вашей кафедры к судьбам русской мысли за рубежом. Может в этих планах нашлось бы место для ящика с частичным, небольшим «архивом Валицкого»? Ввиду моего возраста я все чаще думаю о своем архиве; для него есть место в архиве Польской Академии наук, но оно будет практически спрятано от исследователей русской мысли. Поэтому, если бы Вы этого захотели, я мог бы послать Вам библиографию моих работ (целую, или касающуюся только русской мысли), оттиски, или ксерокопии разных моих статей, а также, если будет возможность передачи, также некоторые книги и их переводы. Это, конечно, «перспективно», но можно начать и с библиографии, Что Вы об этом думаете?

Извините, что я затронул сразу так много проблем. Надеюсь, что интерес к «русской мысли за рубежом» будет продолжаться, но над этим следует работать. Если б я был на 20 лет моложе и занимал специальную кафедру в Нотр Дам, я бы сам включился в эту работу!²⁹

С уважением и лучшими пожеланиями –
Андрей Валицкий

P.S. Я обнаружил в Вашей статье обо мне и Коплстоне (стр. 658) небольшую ошибку: Вы пишете, что моя *Slavophile Controversy* переведена на русский язык в 1992 г., тогда как она *не была* переведена: составитель, К. Душенко, перевел только две части из четырех (меньше половины) и издал их в «реферативном сборнике» в надежде на предложение перевести целую книгу и издать ее не в так наз. «малой полиграфии», но нормально. Но это не состоялось, хотя мы пытались вернуться к этой идее в 2001 году.

²⁸ *Walicki A. Russian Philosophers of the Silver Age as Critics of Marxism // Russian Thought after Communism. The Recovery of a Philosophical Heritage. Amonk (N.Y.); L., 1994. P. 22–36.* Пожелание Валицкого относительно публикации этой работы, мало известной русскому читателю, было выполнено автором статьи в журнале МГИМО «Концепт»: Маслин М.А. Валицкий о русских философах как критиках марксизма // Концепт: Философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 16–21.

²⁹ Валицкий не только одобрил данную тему и выразил желание заниматься проблематикой «истории русской мысли за рубежом», но и фактически включился в ее разработку, откликнувшись сразу же (!) на мое предложение написать воспоминания об американском историке русской философии Джеймсе Патрике Скэнлане (в связи с кончиной последнего). Результатом явились мемуары Валицкого объемом почти 0,5 а.л., написанные по-русски как всегда безупречным литературным языком. Они были включены в коллективную статью, посвященную памяти американского ученого: Воспоминания о Джеймсе Скэнлане // Философский журнал / Philosophy Journal. 2017. Т. 10. № 3. С. 164–196.

Р.С. 2. Проф. Добешевский (упомянутый на стр. 648) сказал мне, что несмотря на известную политическую атмосферу интерес к русской философии растет: на его курс об истории русской религиозной философии и на специальный семинар о Шестове записалось почти рекордное количество студентов.

* * *

6.02.16

Многоуважаемый Профессор Маслин,

Большое спасибо за Ваше теплое письмо от 22 января. Еще раз поздравляю Вас по поводу Бердяевской премии! (Надеюсь Вы получили мое краткое электронное письмо).

К сожалению, состояние моего здоровья довольно плохое (крупные проблемы со спиной и не только это), но еще более болезненно действует на меня опасное ухудшение политического положения во всем мире, а в особенности в отношениях между Россией и Польшей. Я довольно много написал о необходимости их улучшения, в том числе о желательности более объективного взгляда на политику Путина, кое-кого убедил, но «отпор» в печати был гораздо сильнее. Если кто-нибудь из Ваших сотрудников знает польский язык и заинтересован русско-польской проблематикой, могу прислать список моих главных статей на эту тему. А теперь посылаю Вам следующее:

- Книга, в которой переизданы мои ранние работы (1955–1959), главным образом из сборника «Личность и история» (1959) с библиографией моих работ на русские темы до 1999 года и с послесловием об условиях возникновения этих работ.

- Список моих книг (только книг) на разных языках (моя полная библиография слишком обширная, с объяснениями по-польски, следовало бы представить ее Вам в сокращенном виде).

- Список моих работ, опубликованных в России. (Обращаю внимание на автобиографическую статью «Россия»).

- Страница с перечислением наиболее важных работ о России, опубликованных мною на иностранных языках после 1999 года.

- Ксерокопия статьи о так наз. «варшавской школе истории идей» (в том числе о моих работах). Проблема этой «школы» (существовала она как «школа», или нет) до сих пор является в Польше предметом обсуждения.

Конечно, это только малая часть большого архива и собрания моих публикаций. Думаю, что на этой стадии трудно предвидеть в какой мере эти материалы могут быть полезны. (Но если нужно – если кто-то на Вашей кафедре читает по-польски – я мог бы послать Вам мою интеллектуальную автобиографию, изданную в 2010 г. под загл. «Идеи и люди», а также полную библиографию).

А вообще я еще не отказываюсь от надежды, что здоровье и обстоятельства позволят мне еще раз посетить Москву и лично встретиться с Вами.

С наилучшими пожеланиями для Вас лично и членов Вашей кафедры – в том числе дальнейших успехов в изучении истории русской мысли и распространении знаний о ней в разных странах мира – Анджей Валицкий.

* * *

18.03.016

Дорогой и многоуважаемый профессор Маслин!

Большое спасибо за Ваши два письма: от 9.02 и от 24.02.016. Неизвестно почему наш домашний компьютер не принял их, и я получил их с большим опозданием.

Я рад, что наша переписка развивается. Постараюсь ответить Вам в пунктах, по очереди.

1. Новгородцев, философ права. Буду рад написать «небольшое приветствие» участникам конференции на эту тему, не могу отказать!

2. “Russian studies” в США развились в сторону социальной истории, но осталась группа людей, глубоко заинтересованных русской религиозной мыслью, напр. Paul Valliere, автор книги *Modern Russian Theology. Bukharev, Soloviev, Bulgakov* (2000). Scanlan продолжает издавать серию переводов русских статей по философии, мой коллега из Нотр Дам, Gary Hamburg, мой ученик, Randall Poole, усердно работают и не жалуются на отсутствие заинтересованных студентов. Но нет сомнения, что на первом плане теперь (даже в Австралии!) изучение мусульманского мира. Причины очевидны. Кстати: мои американские коллеги хорошо знали, что громадные деньги на “Russian Studies” были реакцией Пентагона на запуск советского спутника.

3. В связи с конференцией о «Третьем Риме» хотелось бы обратить Ваше внимание на мою книгу, изданную по-польски в 2002 г. и переведенную на русский язык: «Россия, католичество и польский вопрос» (Изд. МГУ. 2012). Вслед за Флоровским, я указываю в ней, что эта концепция народилась... в Ватикане с мыслью о том, чтобы втянуть Москву в крестовый поход против Турции (стр. 17–19). С этой мыслью в 1472 г. в Ватикане состоялось «per prociга»⁵⁰ торжественное венчание Софьи Палеолог с Иваном III, что Флоровский назвал даже «началом русского западничества».

На мой взгляд, прав был Милюков, считавший, что Ватикан ошибся, поскольку Иван III оказался заинтересованным не столько византийским наследием, сколько «собираением русских земель».

4. Вы убедили меня, что в каком-то смысле я действительно могу считаться «последним из могикан» важного периода развития «Russian Studies», в котором оформилась идея «русской интеллектуальной истории». Кстати, отцами этой идеи следует назвать британских ученых (по происхождению русских евреев): Леонарда Шапиро из «London School of Economics» (автора авторитетной истории советского коммунизма, 1960) и, конечно, Исайю Берлина: эти два человека, хорошо мне известные, были учителями главных пионеров американских «Russian Studies», таких как Malia, Kline, Pipes, Riasanovsky, Billington (среди которых только Пайпс дистанцировался потом от этих своих учителей). Я был близок всем этим людям, включая Шапиро (который был очень заинтересован моими взглядами на народничество в связи с марксизмом, и обратил мое внимание на Чичерина), дружил с Малией, а для Берлина я был ближе всех из-за интереса к философским идеям, а также из-за моей симпатии к нравственным

⁵⁰ По доверенности (лат.)

установкам и умственным традициям русской интеллигенции. Важно отметить, что все эти люди (исключая Пайпса) были русофилами, мечтавшими об освобождении России от коммунизма, иногда даже (напр. Биллингтон) связывающими с этой мечтой преувеличенные надежды. Это было возможно, поскольку в тогдашней «холодной войне» участвовало много людей, мотивированных освободительными идеями, а не материальными интересами (а тем более русофобией!)

Могу добавить к этому привилегию важных для меня контактов с представителями русской эмиграции, такими как Якобсон и Флоровский в Гарварде, Николай Зернов (в Оксфорде), Роман Гуль (редактор «Нового журнала») и многие другие (даже Керенский, в Hoover Library в 1960 году). Американский историк, L. Haimson, познакомил меня с группой меньшевиков, издателей «Социалистического Вестника» в Нью-Йорке, в том числе с сестрой Мартова, секретаршей «Искры» 1903, Лидией Осиповной Дан. Они радовались, что «три поколения русской (sic!) интеллигенции находят общий язык», и я не пытался уточнять эту мысль в духе национализма. А Вас заинтересует, может быть, что книга Ф. Дана «Происхождение большевизма» (New York 1946), которую я получил от Лидии Осиповны, кончается словами о «русской идее» и ее «всечеловечности» со ссылкой на Достоевского!

Для меня все это ценнее теперь, чем полвека тому назад. Удивляюсь тому, что мой первый мэтр, С.И. Гессен, лично знал Новгородцева, сотрудничал с Плехановым в группе «Единство», переписывался со Степуном и Лосским... Что столь близкий мне Исая Берлин встречался с Ахматовой и помнил это (она тоже!) как самое важное событие своей жизни. И тому подобные элементы связи времен, мало важные сами по себе, но символически для меня значительные...

5. Спасибо за объяснение в каком смысле Вы считаете меня стоящим «по ту сторону добра и зла»³¹. Я на самом деле решительно против деления мыслителей (и людей вообще) по абсолютизированным критериям «добра» и «зла». Ценю достижения Хоружего, Евлампиева

³¹ Мое объяснение явилось ответом на вызвавшее внимание Валицкого сравнение идеального исследователя интеллектуальной истории с пушкинским дьяком из «Бориса Годунова», когда последний «Спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева». Это сравнение вовсе не апология позиции «по ту сторону добра и зла», как показалось поначалу Валицкому. Оно означает, что по-настоящему объективный историк идей должен исходить из необходимости создавать полную картину описываемой эпохи, исходя из принципа «всё состоялось как состоялось», «из песни слов не выкинешь». В противном случае имеет место рецидив пресловутой партийности, когда постсоветская ситуация «после перерыва» трактуется в пользу отсечения всего отличного от религиозной философии массива русской мысли, когда все нерелигиозные течения попросту замалчиваются. Позиция Валицкого, представленная в его «Потоке идей», является совершенно иной. Большинство принципиальных философских проблем русской мысли, по Валицкому, выражено интеллигенцией, оттенки идей у нее были чрезвычайно многообразны. «Схватить» это многообразие возможно при внимательном отношении к разным герменевтическим приемам описания русской мысли. Как раз эту позицию демонстрирует в своих письмах Валицкий, максимально использовавший все прижизненные возможности личной коммуникации с философами и богословами русского зарубежья, бывшими эсерами и меньшевиками, советологами и ревизионистами, не исключая и советских догматиков-марксистов. В этом уникальность творческой позиции автора «Потока идей», что было отмечено в моей рецензии на эту фундаментальную монографию: Маслин М.А. «Поток идей»: Новая книга Анджея Валицкого. С. 130–131.

и др., но не могу согласиться с тезисом, что только религиозные мыслители заслуживают в России внимания и одобрения. Зеньковский (которого я цитировал уже в первой моей книге, 1959 года) понравился мне умением находить ценное «теургическое беспокойство» в секулярных мыслителях, очень далеких от церкви. Бердяев тоже, и его ученик Ламперт (с которым я часто общался в Оксфорде) писали книги о Белинском и Бакуanine. Предмет моего изучения, т.е. русскую мысль, понимаю как раду, в которой необходимы все цвета, как симфонию многих звуков, а задачу свою вижу (в чем нет, в принципе, ничего оригинального) как восстановление этой многоцветности и многозвучия во всей его «интегральности». У меня даже своеобразная аллергия против деления мыслителей на «злых» (реакционных, антинародных, странно похожих друг на друга) и «хороших» – «вплотную приближающихся» к какой-то «правильной точке зрения».

6. Приятно узнать, что Вы комментировали, в качестве одного из «экспертов», встречу Папы с Патриархом. Я лично очень хотел сближения (в экуменическом духе) католицизма с православием и очень радовался энциклике Иоанна Павла II “*Oriente Lumen*” (свет с Востока), очень высоко оценивающей достижения православной духовности. См. мою книгу «Россия, католичество и польский вопрос», стр. 374–376, с очень положительной оценкой взглядов Хоружего на эту энциклику, изложенных в «Вопросах философии», № 4, 1996). Иоанн Павел ввел в оборот слова Вячеслава Иванова о «сестринных церквях», «двух легких христианства» (с чем, к сожалению, не согласился следующий Папа). По многим причинам (католический прозелитизм, униатский вопрос, подозрительность православных «фундаменталистов») надежды на сближение не оправдались. Но следует помнить, что Иоанн Павел очень высоко ценил русскую религиозную философию, ошибочно отождествляя ее с позицией «официальной церкви».

7. Грустно то, что Вы пишете об «идиотской» политике в образовании и в науке. Бюрократические формы контроля над университетами (при одновременном восхвалении «свободного рынка»), поддержание национализма (в том числе претензий к Западу) при одновременной поддержке копирования модных трендов – все это в Польше хорошо известно. Думаю, однако, что в России отсутствие поддержки кафедр философии может объясняться также тем, что либеральные бюрократы из министерства боятся воскресения ждановщины, пресловутой «борьбы с космополитизмом» и подобного рода явлений. К сожалению «русская философия» может ассоциироваться с агрессивным языком, восхвалением «революционных демократов, которые превышали на несколько голов...», не говоря уже о запрете международного обмена мыслями и провозглашении худших сторон ленинизма высшим достижением мировой культуры.

Ваша Энциклопедия должна была покончить с такими ассоциациями, но есть все-таки люди, у которых они могли сохраниться.

8. Моя статья о путинских рекомендациях в отношении русской философии написана по-польски и для польского читателя (по просьбе редакции журнала). Но я пишу в ней, что в этих рекомендациях нет ничего плохого и опасного, что Соловьев, Бердяев и Ильин действительно заслуживают внимания. Если это мнение Вам интересно, pošлю Вам

эту статью в ближайшее время, вместе с приветствием для конференции о философии права.

9. Последнее замечание относительно оригинальности русской религиозности философии. Это верно, но не в абсолютном смысле. Франк в своей антологии «Из истории русской философской мысли» (Washington – New York, 1965) верно пишет, что «всеединство» это не что иное чем «pan-en-teism» («Все-в-Боге»), т.е. концепция взаимопроникновения Бога и мира, отличная одновременно от классического теизма (потусторонний Бог) и от пантеизма (отождествления Бога с миром). Такая позиция (добавляю от себя) была выгодна для мыслителей-реформаторов, думающих не только о потустороннем спасении *вне* мира, но и в спасении *внутри* мира, через его обожествление. Интересно, что такую именно позицию занимали польские философы эпохи романтизма, особенно Август Цешковский, очень ценимый Бердяевым (см. «Русская идея» Бердяева). Термин «панентеизм» введен шеллингианцем К.Ch.F. Krause, особенно влиятельным в Испании (но это не имеет особого значения). По содержанию идея панентеизма восходит, конечно, к Николаю Кузанскому.

Упоминаю об этом также для того, чтобы подчеркнуть, что неоплатонизм существовал также в католических странах, без (вопреки Хоружему) прямой связи с «восточными отцами церкви»³².

Уфф! Размер этого письма оказался больше, чем я хотел.

С лучшими пожеланиями успехов в столь полезной научной работе, для Вас лично и Ваших сотрудников – Анджей Валицкий.

P.S. Слова Жданова об Ахматовой, которая «в своей грязной душонке копалась», а потом травлю Пастернака я всегда сопоставлял с небывалым культом поэзии в России, и всегда верил словам Пастернака, что «смерть можно будет побороть усилием воскресения». Я имел счастье встречать в СССР людей, подтверждавших своей жизнью эту надежду. А русская мысль XIX века (включая Белинского, не говоря уже о Герцене) была для меня духовной опорой в борьбе с «советизмом». См. мою статью «Россия» в «Вопросах философии», № 12, 1990.

* * *

Варшава, 24.03.16

Многоуважаемый и дорогой проф. Маслин,

Посылаю Вам, наконец, обширный ответ на Вашу вторую статью обо мне, а также (на Вашу просьбу) что-то вроде «приветствия» участникам конференции. Пожалуйста, добавьте (если нужно) какую-то формулу формального «приветствия», или пожелания всяческих успехов. Не скрываю, что идея этого текста была мне подсказана Вашими словами о «последнем

³² Зеньковский прекрасно знал, что «всеединство» = «panenteizm», но сохранил первый термин как дань Соловьеву (см.: Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 702). Хоружий тоже это прекрасно знал, но хотел (вопреки Франку) подчеркивать, что «всеединство» будто бы более «православно», поскольку «panenteizm» все-таки близок пантеизму (см.: Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 40–41). Так или иначе, близость очевидна (комментарий Валицкого. – М.М.).

могиканине», которые указали мне символическую важность «человеческой преемственности».

Вчера я послал Вам электронный текст статьи о Путине³³. Она подверглась в Польше довольно яростным нападкам. Само по себе это мало важно. Но я все-таки не хотел бы, чтоб мои критики получили аргумент, что я распространяю этот текст по моей собственной инициативе. По замыслу это был текст для польского читателя. Редакция «для равновесия» опубликовала в том же номере очень «антипутинский» текст Безансона.

Прилагаю номер англоязычного журнала со статьей моего американского ученика (Randall Poole) о философии права С. Котляревского (в связи с конференцией) и с официальным *resumé* небольшой конференции, организованной в Нотр Дам в связи с моим переселением в Польшу – для Вашего архива.

Через неделю уеду из Варшавы на несколько недель, но электронная связь с моей женой будет доступна. После Вашей конференции ожидаю ее описание.

Всего хорошего! Ваш Анджей Валицкий

* * *

16.09.016

Получил «Философский журнал» с Вашей статьей о Flow of Ideas и с Вашим письмом от 1.09.016. Большое спасибо! Очень радуюсь, что усиливается сердечный тон нашей корреспонденции, приятно также, что наши мнения о негативных сторонах культурных перемен в наших странах полностью (как мне кажется) совпадают. Радуюсь, что Вы собираетесь издать книжку о «разноликости и единстве» русской философии, в связи с Вашим 70-летием³⁴. На мой взгляд Ваша энциклопедия «Русская философия» является громадной и решающей (хочется верить) победой этих взаимосвязанных идей.

Для меня лично оживление интереса к моим работам и признание Вами их значения (а также возникновение какой-то личной связи между нами) важно также как доказательство того, что политика, к счастью, неспособна полностью овладеть научно-культурной сферой и личными отношениями порядочных людей. Я не был одинок в многолетних попытках противодействовать антирусским настроениям в Польше (часто очень искусственно раздуваемым), продолжаю делать это, но делу польско-русского взаимопонимания наносятся удары – совсем напрасные, но реальные. Но в таких

³³ Речь идет о статье, опубликованной в журнале «Przegląd polityczny» (2015. № 130), в которой Путин в противоположность бытующим на Западе, особенно в Польше, стереотипам о нем как об «агрессоре» и «тоталитаристе» представлен как продолжатель линии русского консерватизма, ведущей свое происхождение от славянофилов, далее продолженной религиозно-философским ренессансом в XX столетии. Статья была включена в состав последней прижизненной книги Валицкого «О России иначе», причем в комментариях к публикации Валицкий лаконично и остроумно разбирает аргументы критиков-русифобов, которые подвергли обструкции якобы «пропутинскую», а на самом деле «пророссийскую» направленность данной статьи: *Walicki A. Czy Wł. Putin może stać się ideowym przywódcą światowego konserwatyzmu? // Walicki A. O Rosji Inaczej. Warszawa, 2019. S. 201–222.*

³⁴ Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017.

условиях даже индивидуальные попытки «перебрасывания мостов» приобретают особое значение. В Польше такую роль играет, между прочим, замечательный и свободный от русофобии интерес к русской философской и политической мысли. Примером этого была недавняя международная конференция о Чаадаеве, организованная в Кракове университетом Иоанна Павла II. Через несколько дней начнется в Варш. университете конференция о русской и еврейской мистике, организована проф. Добешевским. А я читаю очень интересную, пионерскую монографию о *левых* течениях в современной политической мысли в России³⁵, очень критичную по отношению к антирусским стереотипам.

Наконец, о возможности моего приезда, чтобы принять звание «почетного профессора»³⁶.

Во-первых, я рад был бы приехать, но теперь это для меня физически невозможно из-за радиологической терапии, которую скоро начну. Это делает меня на три-четыре месяца неспособным к путешествиям, а также потом буду передвигаться только в сопровождении жены. Если все пойдет хорошо, я готов продумать вопрос о приезде в след. году (что можно связать с Вашим 70-летием). Теперь слишком рано о конкретных планах. Но хотелось бы знать что-то о возможной организации такого приезда, о чем Вы пока ничего не написали.

Во-вторых, если нужна будет помощь нашей Академии наук, я должен объяснить, что такое «почетная профессура». У нас знают только понятие доктората *honoris causa*, а профессура не ассоциируется с одним факультетом. Одним словом, для того, чтобы получить какую-то помощь в организации моего приезда (с женой!) со стороны Польской Ак. наук, необходима какая-то «бумажка» с объяснениями. (Но теперь рано об этом думать, возвратимся к этому, если моя радиотерапия окончится успехом). Но так или иначе, мне хотелось бы знать какие-то детали Вашего проекта (ценного самого по себе для меня, независимо от реализации).

Желаю успеха конференции по Новгородцеву³⁷. Очень рад, что Ваша аспирантка занимается моими взглядами, рад буду получить письмо от нее. И, конечно, мне очень хотелось бы приехать еще раз в Москву для встречи с Вами и Вашими сотрудниками.

С дружеским и глубоким уважением – Анджей Валицкий.

³⁵ *Żahowska M.* Od koncesjonowanej opozycji do politycznej subkultury. Toriń, 2015.

³⁶ По моему предложению и при поддержке декана В.В. Миронова ученый совет философского факультета Московского университета принял принципиальное решение о возможности удостоить Анджея Валицкого звания «почетный профессор». Единственным условием для получения этого звания (кроме научных заслуг) является прочтение публичной лекции в университетской аудитории. Ввиду болезни Валицкого это условие, к сожалению, не было выполнено. Из иностранных философов звания почетного профессора философского факультета был удостоен, например, Юрген Хабермас.

³⁷ Приветствие Анджея Валицкого в адрес юбилейной конференции, посвященной памяти П.И. Новгородцева, ординарного профессора Московского университета и признанного главы Московской школы философии права, было озвучено автором статьи на Всероссийской научной конференции, прошедшей на философском факультете МГУ 15.09.2016, а затем опубликовано: *Маслин М.А., Бобылева Д.Е.* Всероссийская научная конференция «Философия права в России (К 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева)» // Соловьевские исследования. 2016. № 4. С. 186–187.

* * *

29.11.016

Многоуважаемый Профессор Маслин,

В связи с праздником Рождества хотелось бы послать Вам и Вашим сотрудникам самые лучшие пожелания всяческих успехов в научной работе и в личной жизни. Это предполагает, конечно, хорошее будущее Вашей страны – я лично желаю также и этого, для Вас и для себя в равной степени.

Мне приятно передать Вам, что в 26–28 числа в Варшаве, по инициативе известного Вам по публикациям проф. Добешевского состоялась конференция на тему «Эпистемология религиозного опыта», посвященная главным образом русской и еврейской философии. Как видите, интерес к русской философии у нас не исчезает, независимо от политической атмосферы.

Я имел возможность прочесть Вашу статью «Русская философия в католической философско-богословской мысли XX века»³⁸. Ваш главный тезис интересен и достоин, конечно, серьезного рассмотрения. Относительно себя могу сказать, что я воспитан на католической культуре и глубоко заинтересован ее прогрессивной эволюцией, а также диалогом с православием, о чем свидетельствует моя книга «Россия, католичество и польский вопрос» (МГУ 2012, по-польски Варшава 2002). Тем не менее я не стал бы провозглашать себя «верующим» в церковном смысле. Принимая кафедру в католическом формально (но только на уровне “undergraduate studies”³⁹) университете Нотр Дам, я прямо сказал об этом Президенту университета, отцу Хесбургу (очень «левый» монах!), но он сказал: «Ничего, важно то, что в Вас есть искра Святого Духа». (К сожалению, польские духовные отцы очень далеки, как правило, от такой экуменической терпимости, хотя она проявлялась у папы Иоанна Павла II, напр. в его “Orientale Lumen”).

У меня лично, как я Вам писал, серьезные проблемы со здоровьем – очень расслабляющая радиологическая терапия, требующая ежедневных поездок в институт Онкологии. Но она уже приходит к концу. Не исключено (но еще неизвестно), что я смогу приехать в Москву, чтобы получить звание «почетного профессора», но пока не знаю даже как это выглядело бы с организационной точки зрения. Ясно только, что мог бы приехать только в сопровождении моей жены и что на содействие нашей Ак. Наук трудно было бы рассчитывать. Поэтому, мне иногда кажется, что может быть можно было бы устроить принятие этого титула без моего приезда в Москву. Мне это пришло в голову в связи с тем, что известный польский экономист, проф. Г. Колодко, был недавно принят в члены Российской Ак. Наук без приезда в Москву.

– Но все еще возможно, оставим этот вопрос открытым. С тем, что я знаю уже, что такое «почетная профессура» в МГУ, я готов, в той или иной форме, принять с радостью это звание.

Еще раз всего наилучшего –

Ваш Андрей Валицкий

³⁸ Маслин М.А. Русская философия в католической философско-богословской мысли XX века // Тетради по консерватизму. 2016. № 3. С. 139–149.

³⁹ Здесь: «направления подготовки студентов» (англ.)

* * *

А. Walicki Варшава. 24.09.017

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Извините, что я не ответил на Ваше письмо с важной для меня информацией о конференциях и проч., организованных в связи со столетием Октябрьской революции. Еще более жалею о том, что в ближайшее время не смогу приехать с женой в Москву, чтобы получить почетное звание от Вашего университета. Дело в том, что я не могу отделаться от серьезной болезни, возникшей в результате реакции на радиотерапию против рака простаты, которая тянется уже 9 месяцев, от начала нынешнего года! Не помогла серия антибиотиков, она меня лишь очень ослабила, а в последнее время я был даже госпитализирован на неделю, что тоже мне не помогло.

Так или иначе, я хотел бы когда-нибудь приехать в Москву, раньше или позже. Ведь вся моя жизнь была эмоционально связана с Россией, а теперь как раз мои работы о русской мысли начали входить в оборот русской культуры, что меня очень радует. В наше время особенно нужны положительные польско-русские связи, именно потому, что теперь политическая атмосфера (давно уже плохая, по моему мнению, без вины России) невероятно и опасно ухудшилась.

Передаю это письмо проф. Янушу Добешевскому, известному Вам по публикациям. Он очень заслуженный человек для польско-русских интеллектуальных связей, не только как автор хороших книг (в том числе большой книги о Вл. Соловьеве), но также как университетский учитель, издатель и организатор интересных конференций. Мы являемся друзьями и в большой мере политическими единомышленниками, поскольку он тоже «русифил» в нормальном, аксиологически нейтральном значении этого слова. (Кстати, у нас распространяется слово «русофилия», поскольку оно ассоциируется с извращенностью («педофилия») или болезнью («гемофилия»)!)

Добешевский знает Ваши работы, готов поддерживать контакт с Вашей кафедрой. Надеюсь, что Ваш разговор будет плодотворным. Он может Вам рассказать также о деятельности очень активного краковского центра по изучению русской философии, руководимого очень милой сестрой Терезой Оболевич, влюбленной в русскую религиозную философию и организующей ежегодно международные конференции на эту тему.

Передайте, пожалуйста, привет от меня всем Вашим сотрудникам.

Всего наилучшего!

Ваш Анджей Валицкий

* * *

Варшава 10.02.019

Уважаемый профессор Маслин,

Я страшно давно не писал к Вам из-за состояния моего здоровья. Как Вы наверное помните, вследствие непредвиденных последствий радиотерапии я уже третий год не могу нормально ходить, следствием чего оказалось, конечно, увеличенная болезнь спины, сердца и страшная общая слабость. В последнее время добавился полу-паралич пальцев, что сделало процесс писания очень трудным и медленным.

Тем не менее я успел написать что-то в прошлые годы, в том числе довольно обширное послесловие к русскому переводу моей книги «В кругу

консервативной утопии» (*The Slavophile Controversy*), который скоро появится в печатном виде в издательстве «Новое литературное обозрение». Очень надеюсь, что обратите внимание на эту книгу, изданную еще в 1964 году и сразу переведенную на итальянский и английский. Попрошу издательство, чтобы Вам послали экземпляры.

Теперь стараюсь подготовить небольшое собрание моих статей о России XX века и польско-русских отношениях, очень критических по отношению к официальной русофобии, воспринимаемой мной как позор. Я всегда так думал, но в последнее время это усилилось и, к несчастью, проявилось в других странах, влиятельнее и гораздо важнее Польши. Я уверен, что Россия устоит, что руководящие круги США образумятся (под влиянием конфликта с Китаем?), но мне этого не дождаться.

Моя книга «*The Flow of Ideas*» была принята положительно, появилось несколько рецензий, но только в научных журналах. Время, когда книга о русской мысли могла возбудить общекультурный интерес, давно прошло (хотя вновь появится, если Россия успеет сделаться могучей державой). В Польше, несмотря на антирусскую пропаганду, литература о русской мысли продолжает расцветать, чему очень помогают мои младшие друзья и ученики, например Добешевский. Он, кстати, очень хочет пригласить Вас в Варшаву, очень надеюсь, что не откажете. А может Вы пригласили бы также Вашу молодую сотрудницу, которая интересовалась моими работами и хотела писать о них диссертацию?

К сожалению, время у нас трудное, все поглощает политика, препятствуя многим ценным инициативам. И наконец – что появилось в России о русской философии, что Вы сами успели опубликовать за последнее время? И что Вы могли бы рекомендовать по вопросам политики и политической философии? Мне теперь писать трудно, но интерес к чтению большой.

Извините, пожалуйста, за трудности в чтении этого письма.

Со словами уважения и лучшими пожеланиями для Вас лично и Ваших сотрудников.

Анджей Валицкий.

* * *

14.02.19

Многоуважаемый Профессор Маслин,

Я очень обрадовался Вашему интересному письму. Можно позавидовать Вашему местожительству! Я знаю старое Переделкино с окрестностями, гостил там когда-то на даче, прогуливался над прекрасной рекой. О Новопеределкине также слышал, но не успел увидеть. Очень рад связывать эти прекрасные и интересные места с Вами и Вашей работой над русской философией.

Поздравляю Вас с Ломоносовской премией за «Разноликость и единство»! Эта книга есть у меня с Вашей дедикацией, мы переписывались о ней, я сразу оценил ее как важный шаг в сторону интегрального подхода к русской философии. (Признаюсь, что отсутствие такого подхода, напр. у Евлампиева, продолжает меня беспокоить! Целостность и преемственность – это ведь условия нормальности культуры). Постараюсь прочитать в Интернете Ваши статьи в «Тетрадах по консерватизму», может быть

также «Русскую философию за рубежом». Когда выйдет 3-е изд. Вашей «Энциклопедии»? В Варшаве есть русская книжная лавка, которая, наверное, может это издание заказать.

А вообще хотелось бы знать, можно ли заказывать в Москве книги на кредитные карты: Mastercard, Visa?

Статья Суркова также для меня интересна. Может быть, Вы могли бы прислать мне ксерокопию? С моей перспективы проблема явится двойко. С одной стороны я не хотел бы в России хаоса. Ценю достижения Путина, но боюсь, что в России слишком много зависит от одного человека. С другой стороны уступки П., и даже отказ от власти могли бы стать для Запада претекстом для окончания абсурдных попыток изоляции России, что могло бы (может быть) привести к благополучным последствиям. Словом – еще раз необходимость рациональной осторожности.

Насколько могу судить, реформа образования в России действительно не привела к доброму. Но у нас, боюсь, еще хуже. А безрассудный бюрократический контроль, настоящий Аракчеевский режим, убийственный для гуманитарных наук, хорош для не слишком честных людей «со связями». Мои американские коллеги оценили бы это как настоящий тоталитаризм.

Я, конечно, хотел бы купить «Русскую философию за рубежом», а потом и новое издание «Энциклопедии». Моя жена, однако, говорит, что владелец русской книжной лавки (упомянутый мною) не может платить кредитной картой. Он сам ездит машиной покупать книги, и вдобавок на Украине! Никто не знает, почему это так, вопреки общепринятой практике, но по-видимому нет нужного договора между банками! Члены исторической комиссии по сотрудничеству приезжают к нам (или от нас) с книгами в чемоданах и с гонорарами в карманах...

Желаю всего доброго Дарье Бобылевой, но – признаюсь – я сразу подумал, что она еще не готова к довольно трудной работе. Но все-таки было бы хорошо, если бы кто-то из Ваших сотрудников знал польский язык, поскольку интерес к русской теме продолжает у нас расти. Согласен [с Вашей позицией, М.А.] относительно Бердяева. Я тоже «консерватор» в смысле убеждения о важности спокойной эволюционной преемственности в истории и движения к плюрализму культурных ценностей. Ценимый Бердяевым польский философ Август Цешковский назвал это «прогрессивным консерватизмом». А мой друг Лешек Колаковский в лучший период своей идейной эволюции выдумал формулу: «консервативно-либеральный социализм». Консерватизм, конечно, без правого радикализма, либерализм как свобода личности, а не неолиберальная догма свободы рынка, социализм же без тоталитаризма, уважающий консервативно-либеральные ценности.

Для меня загадочно, что Вы могли написать обо мне для журнала «Русская политология». Я написал несколько политологических статей, но главным образом о Польше, или о дегенерации либерализма. О России также, в книге «Марксизм и прыжок в царство свободы» и в статье в «Вопросах философии» (№ 8, 1998), также в статьях о Путине (которые будут переизданы)⁴⁰, но на русском языке только статья о судьбах коммунистической утопии в «Вопросах».

⁴⁰ Кроме статьи о «светском консерватизме» Путина, упомянутой в публикуемой переписке, имеется в виду также статья «Россия Путина и польская политика» («Rosja Putina a polityka polska»). Обе они вошли в состав последней прижизненной книги Валицкого «О России иначе»: *Walicki A. O Rosji Inaczej. Warszawa, 2019. S. 201–223, 273–281.* Кроме того,

Так или иначе, я очень рад, что мои работы, благодаря Вашей помощи, начали входить в русский научный оборот.

Всего Вам доброго, Михаил Александрович!

С уважением и сердечностью – Андрей Валицкий.

* * *

20.02.19

Многоуважаемый Проф. Маслин,

Большое спасибо за статьи, прежде всего Суркова⁴¹. С моей точки зрения, это вода на мельницу русофобии. Надеюсь, что автор прав, считая, что «настоящий Путин» не является «путинистом». Несмотря на трудности, мне удалось окончить работу над сборником моих статей против наших русофобов, с новым, большим (ок. 80 стр.) и резким предисловием⁴².

Всего доброго

А. Валицкий.

нельзя не назвать «политологическими» и другие статьи в этой остро-актуальной книге – об украинском вопросе, о «российских союзниках польской русофобии», о крахе СССР. Валицкий строго отделял политологию как «political science» от политизированной журналистики, не считая себя принадлежащим к «цеху политологов». Ощущая свою интеллектуальную и эмоциональную связь с традициями русской интеллигенции, он, скорее, мог быть охарактеризован старым понятием – «публицист».

⁴¹ Речь идет о статье Владислава Суркова «Долгое государство» в «Независимой газете» от 11.02.2019, посланной мной вместе с другими материалами для подготовки к печати последней прижизненной книги мэтра. Критическая оценка статьи, данная в этом письме Валицкого, была воспроизведена им в тексте книги «О России иначе»: *Walicki A. O Rosji Inaczej*. S. 48. В предисловии к этой книге Валицкий пишет о том, что Сурков, претендовавший на роль «идеолога путинизма», выказал свою слабую компетенцию и незнание истории и духовной культуры России, несравнимое с познаниями Бердяева, Ивана Ильина, Владимира Соловьева, а также классиков западных «Russian studies», таких как Джеймс Биллингтон.

⁴² Обширное предисловие к последней прижизненной книге философской публицистики Валицкого «О России иначе» написано в виде диалога с профессором Варшавского университета, его учеником и единомышленником Янушем Добешевским, крупным специалистом по русской религиозной философии. В настоящее время Добешевский является главным выпускающим редактором трехязычного польско-русско-английского интеллектуального лексикона «Идеи в России», сменив на этом посту первого его редактора, Андрея де Лазари. (О личности Добешевского Валицкий многократно и позитивно отзывался в публикуемой переписке). С симпатией Валицкий отозвался в упомянутом предисловии о кафедре истории русской философии Московского университета, причем ряд ее работ он назвал «пионерскими», в т.ч. вышедшие под моей общей редакцией и с моим предисловием первую в своем роде антологию «О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья» (М., 1992) и энциклопедию «Русская философия» (М., 2007; 2-е изд. 2014; 3-е изд. 2020). От Добешевского автором этих строк был получен экземпляр последней прижизненной книги мэтра с любезной дарственной надписью. Предисловие к ней является своего рода эпилогом к обширным и многообразным исследованиям академика по русской интеллектуальной истории, причем историю он тесно связывал с современностью и с переживаниями о будущем нашей страны. К большому сожалению, последняя книга крупнейшего и самого известного в мире специалиста по русской мысли практически не была замечена российской ученой гуманитаристикой, праздно и впустую болтающей о значении «мягкой силы» для создания положительного образа России. Значение трудов Валицкого в этом направлении трудно переоценить.

* * *

Ноябрь, 2019

Многоуважаемый профессор Маслин,

Мой друг, Януш Добешевский, привез из Москвы много книг (в том числе Вашу последнюю книгу с дедикацией для меня) и много хороших впечатлений. Он очень хороший, талантливый человек, его семинар о русской философии (главным образом религиозной) уже многие годы притягивает много студентов. Я очень рад, что интерес к русской философии разбудили в нем мои книги, что он считает меня своим учителем и всегда это подчеркивает. Кроме того, он близок мне полным отсутствием антирусских предубеждений и критическим отношением к современной, нахальной идеологизации (отвергаемой мыслящими людьми, но господствующей, к несчастью, в официальных медиах и в интернете...).

Сегодня я кончил читать, от начала до конца, Вашу книгу о разноликости и единстве русской философии и остаюсь под большим впечатлением от нее⁴³. Я очень много узнал о масштабе Вашей деятельности (новое издание энциклопедии «Русская философия» и др.), об интересе к России в Китае (что меня очень радует), о Вашем понимании консерватизма, о философских аспектах взглядов Патриарха Кирилла и даже о периоде расцвета «Russian Studies» в США (я не знал, что они были введены законодательным актом, что на это затрачено столь много денег и что было опубликовано около 4 тысяч работ – иногда выдающихся, но отнюдь не всегда!). Очень рад был тому, что Вы нашли теплые слова для нерелигиозных мыслителей, не только Герцена, но и Белинского, не говоря об интересных статьях об Огареве и Писареве (о котором писал когда-то Ваш отец). Много узнал о Зеньковском, а также о Флоровском (который в 1960 году не упоминал в разговоре со мной о патристике, но хвалил мою статью об идее свободы у Достоевского, указывающую влияние на его героев идей Фейербаха и Штирнера, а также статью о шопенгауэризме Тургенева). Много узнал также о Вашем понимании консерватизма (исключившем экстремизм Дугина) и о Вашем несогласии с либерализмом, понимаемом как безоговорочная вестернизация. Я всегда считал себя либералом, но в Тургеневском духе (или в духе «правового социализма» Гессена), но никогда не разделял взглядов заботящихся о свободе рынка, а не о свободе личности, назвавших себя сперва «неосопс.», а потом «неолибералами» (не смешивать с «новым либерализмом» начала XX века). Я писал довольно много об этом, объяснял причины такого шага назад, но, к сожалению, слово «либерализм» утвердилось в смысле экономического, рыночного подхода ко всему, что и объясняет рост отрицательного отношения к либерализму вообще. Кстати, в США либералы до недавних пор были ближе к социал-демократам, оставляя апологию рынка консерваторам (в американском смысле) и либертарианам. А в университетах теория однолинейного развития человечества, понимаемая как вестернизация, считалась политически глупой и академически недопустимой. Что же – времена изменились. Сегодня Ваш министр Лавров защищает многолинейность развития и невозможность «монополии на правду».

Я и теперь считаю себя либералом, но не в смысле мнимой свободы рынка (на самом деле давно являющейся выгодной фикцией) или отожд-

⁴³ Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017.

дествления модернизации с вестернизацией. Для меня либерализм – это ограничение власти большинства гарантиями для свободы личности и прав меньшинств, полная свобода совести и слова (не только от внешнего «регулирования», но и от попыток «нравственного» диктата) плюс долгий процесс демократизации и социализации буржуазного, цензурского права, от Милля до либерального “welfare state” и теоретического обоснования социальных прав человека, разумной теории справедливости, а также плюрализма ценностей (Berlin). Как Вы знаете, я очень ценю вклад в такой либерализм русских мыслителей, в том числе религиозных (поскольку либерализм это лишь обоснование приемлемого общественного устройства, которое могут принимать люди очень разных философских взглядов). Все это не имеет ничего общего с догматическим экономизмом, не говоря уже о теории обязательной вестернизации всех стран или гегемонии одного государства. Если именно это считается «либерализмом», тогда я не либерал.

Мое личное отношение к России описано в автобиогр. очерке «Россия» (глава из книги «Встречи с Милошем»), опубликованном в сокращенном русском переводе в «Вопросах философии», 12/1990. Я выразил в этом эссе мое восхищение и благодарность дореволюционной русской культуре, которая поддерживала меня духовно против фанатических сталинистов на варшавской русистике, которые в 1953–54 годах организовали против меня ненавистную травлю. Там изложено также мое отношение к пресловутой «борьбе с космополитизмом», с которой связано было начало Вашей кафедры. Теперь ее достижения вызывают интерес и заслуженное уважение во многих странах, но тогда сам язык Иовчуков, Васецких и (извините) Щипановых, или «Философского словаря», звучал в Польше смехотворно и очень навредил престижу предмета, который хотели восхвалять. Я открыто говорил об этом с И.С. Нарским (который соглашался со мной, но говорил, что «время еще не пришло») и со Щипановым, который добродушно убеждал меня, что «молодой человек» к тому же иностранец не должен подсказывать русским ученым как интерпретировать напр. славянофильство.

Потом, в Швейцарии, я имел возможность говорить с соавтором сборника «Из под глыб», инспиратором Дугина, Михаилом Агурским, автором интересных книг о «национальном большевизме». Он старался убедить меня, что большевизм имел какое-то эзотерическое, гностическое содержание и реализовал, сам об этом не зная, идеи «скифов» и сменовеховцев, Клюева, Блока и проч. Но он не смог указать мне, где найти такую глубину в статьях идеологов, которые повторяли без конца, что «русские революционные демократы превышали на четыре головы всех домарксистских философов Европы» и проч. Ему оставалось только верить, что такой примитивизм когда-то исчезнет. И я эту веру тоже разделял. И дождался!

Хотелось бы иметь возможность поговорить с Вами лично обо всем этом. Все еще надеюсь, что найдется способ овладеть моей досадной болезнью, прилететь с женой в Москву и, может быть, поделиться с членами Вашей кафедры (и лично с Вами) моими мыслями о России, которой желаю всего наилучшего. Русский консерватизм, поддерживаемый Вами, меня пока не пугает, поскольку консерватизм может быть либеральным (в изложенном мною смысле), а пропагирование «контркультуры» нигилистического отношения к прошлому или отказа от собственного пути развития мне чужды – не менее чем этноцентрическая замкнутость и ксенофобия.

Кстати, информация. В Варшавском университете была организована конференция в связи со 100-летней годовщиной Окт. революции. Ее организатор, проф. Белень просил меня написать что-то вроде приветствия, которое прочла моя жена. Оно было призывом к взаимопониманию и отказу от враждебных стереотипов, что было согласно с ожиданием организаторов и – приятно сказать – вызвало положительную реакцию среди авторов рефератов и публики. Это доказывает, на мой взгляд, что русофобия сама себя подрывает своей грубостью, также как это было с советской «борьбой с космополитизмом».

Наконец *pro domo sua*⁴⁴:

Вы пишете о Т. Шанине как человеке, которому принадлежит открытие корректировки взглядов Маркса на развитие России⁴⁵. На самом деле, антология Шанина *Late Marx and the Russian Road* с его статьей и статьями трех других авторов (в том числе японца Haruki Wada), изданная в 1983, не содержит ничего нового по сравнению с моей монографией *The Controversy Over Capitalism* (Oxford 1969), переведенной на испанский, итальянский и японский, в результате чего я был приглашен в Японию и в восьми городах читал лекции на эту тему. Поскольку я подробно исследовал реакцию на марксизм легальных народников, Shanin и его сотрудники интересовались только Народной Волей. А по-польски я издал в 1965 двухтомную антологию народников, содержащую в приложении перевод черновиков известного письма Маркса к Засулич. См. также *Flow of Ideas*⁴⁶.

В связи с «туркофильством» Леонтьева: об интересе в Турции к русской мысли свидетельствует, между прочим, перевод на турецкий моей *History of Russian Thought*, два издания. Кстати, это единственный перевод, за который я получил приличный гонорар.

В статье обо мне⁴⁷ Вы упоминаете мое участие в электронной энциклопедии Routledge...

Да, но кроме 4 статей в электронном издании, я опубликовал 8 длинных статей в монументальном бумажном издании, в том числе “Hegelianism in Russia”, “Hessen”, “Slavohilism”, “Soloviev”. Получил в награду все 10 томов энциклопедии и письмо с благодарностью от ее редактора.

С дружеским приветом и пожеланиями дальнейших успехов,
Анджей Валицкий

Список литературы

- Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Пер. с польск. К. Душенко. М.: НЛЮ, 2019. 703 с.
- Валицкий А. Два облика Герцена: философия свободы и «русская идея» // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН, 20–21 июня 2012 г.) / Ред.-сост. А.Ф. Яковлева, В.Л. Шарова. М.: Канон+, 2013. С. 30–43.
- Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма / Пер. с англ. М.: Канон+, 2013. 480 с.

⁴⁴ В свою защиту (лат.)

⁴⁵ Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. С. 372.

⁴⁶ Walicki A. The Flow of Ideas. P. 480–482.

⁴⁷ Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. С. 453.

- Валицкий А. Россия, католичество и польский вопрос / Пер. с польск. Е.С. Твердисловой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. 624 с.
- Валицкий А. Философия права русского либерализма / Пер. с англ. О.Р. Пазухина и др. М.: Мысль, 2012. 567 с.
- Воспоминания о Джеймсе Сканлане: А. Валицкий, А. ДеБласио, Р.Т. Де Джордж, М.А. Маслин, В.А. Кувакин, Ив Левин, Ф.Т. Гриер, В.Л. Марченков // Философский журнал / *Philosophy Journal*. 2017. Т. 10. № 3. С. 164–196.
- Маслин М.А. «Поток идей»: Новая книга Андрея Валицкого // Философский журнал / *Philosophy Journal*. 2016. Т. 9. № 2. С. 127–137.
- Маслин М.А. Валицкий о русских философах как критиках марксизма // Концепт: Философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 16–21.
- Маслин М.А. Андрей Валицкий как историк русской философии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2014. № 6. С. 108–121.
- Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб: Изд-во РХГА, 2017. 526 с.
- Маслин М.А. Русская философия в католической философско-богословской мысли XX века // Тетради по консерватизму. 2016. № 3. С. 149–165.
- Маслин М.А., Бобылева Д.Е. Всероссийская научная конференция «Философия права в России (К 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева)» // Соловьевские исследования. 2016. № 4. С. 186–187.
- Русская философия. Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Республика, 1995. 655 с.
- Русская философия. Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. Изд. 3-е, дораб. и доп. М.: Мир философии, 2020. 919 с.
- Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сборник научных статей, посвященный 70-летию кафедры истории русской философии / Под общ. ред. В.А. Кувакина и М.А. Маслина. М.: Изд-во МГУ, 2013. 687 с.
- Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 736 с.
- Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 445 с.
- Hessen S. *Studia z filozofii kultury*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 367 s.
- Walicki A. *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*. Stanford: Stanford University Press, 1979. 456 p.
- Walicki A. *Idee i Ludzie. Próba autobiografii*. Warszawa: ASPRA – JR, 2010. 493 s.
- Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. Oxford: The Clarendon Press, 1987. 472 p.
- Walicki A. *O Rosji Inaczej*. Warszawa: Fundacja Oratio Recta, 2019. 363 s.
- Walicki A. *Osobowość a historia*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1959. 480 s.
- Walicki A. *Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973. 668 s.
- Walicki A. *Russian Philosophers of the Silver Age as Critics of Marxism // Russian Thought after Communism. The Recovery of a Philosophical Heritage / Ed. by J. Scanlan, M.E. Sharpe. Armonk (N.Y.); L.: M.E. Sharpe, 1994. P. 22–36.*
- Walicki A. *Spotkania z Miłozem*. Londyn: Aneks, 1985. 197 s.
- Walicki A. *The Controversy Over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of Russian Populists*. Oxford: The Clarendon Press, 1969. 196 p.
- Walicki A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 877 p.
- Walicki A. *The Slavophile Controversy*. Oxford: The Clarendon Press, 1975. 600 p.
- Walicki A. *W kregu konserwatywnej utopii*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 490 s.
- Walicki A. *Zaris myśli rosyjskiej. Od Oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 862 s.
- Żahowska M. *Od koncesjonowanej opozycji do politycznej subkultury*. Torin: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2015. 360 s.

Andrzej Walicki

Another outlook on Russia. Letters from the “Russian Archive”

(ed. with comment. by Mikhail A. Maslin)*

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation;
e-mail: rf@philos.msu.ru

The article presents previously unpublished letters written by Andrzej Walicki (15.05.1930–21.08.2020), a worldly renowned Polish historian of Russian thought, to Professor Michael Maslin, the head of the Department of the History of Russian Philosophy at Lomonosov Moscow State University. Walicki’s letters (1997–2019) together with books, articles and other materials formed his gift to the abovementioned Department. Walicki himself referred to these materials as “my small Russian archive”. The letters are written in excellent Russian and require no additional revision or stylistic improvement. This publication retains the letters in their full originality including some phrases of Polish origin. These unique epistles reveal Walicki’s individual creative worldview. The letters contain new information about the details of Walicki’s biography and his work in Poland, Russia, USA, Great Britain, Japan, Australia. The letters provide a unique perspective on the “flow of ideas”, which was Walicki’s personal conception of understanding and interpretation of the Russian intellectual history from the Enlightenment through the Russian religious and philosophical Renaissance of the twentieth century. The letters discuss his interactions with Sergei Gessen, Isaiah Berlin, Leszek Kolakowski, Czeslaw Milosz, George Kline, James Scanlan, Leonard Shapiro, Martin Malia, Richard Pipes, Nicholas Riasanovsky, James Billington etc. A special attention is paid to the critique of the Western and especially Polish Russophobia based on various superstitions and stereotypes about Russia as well on a lack of knowledge, various kinds of bias and blunders. Of considerable interest are Walitsky’s expert assessments of the general state of the scientific historiography of Russian philosophy, its fundamental differences from Soviet dogmatic Marxism, of which the Polish scientist was a consistent critic.

Keywords: Andrzej Walicki, Russian philosophy, Russian philosophy abroad, Soviet philosophy, Russian intellectual history, Russophobia

For citation: Walicki, A. “Inoi vzglyad na Rossiyu. Pis'ma iz ‘russkogo arkhiva’” [Another outlook on Russia. Letters from the ‘Russian Archive’], ed. with comment. by M.A. Maslin, *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 167–195. (In Russian)

References

- Frank, S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian Worldview]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1996. 736 pp. (In Russian)
- Hessen, S. *Studia z filozofii kultury*. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 367 s. (In Polish)
- Horujy, S.S. *Posle pereryva. Puti russkoi filozofii* [After the Break. The Paths of Russian philosophy]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1994. 445 pp. (In Russian)
- Kuvakina, V.A. & Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya filosofskaya mysl’: na Rusi, v Rossii i za rubezhom. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu kafedry istorii russkoi filozofii* [Russian Philosophical Thought: in Rus, Russia and Abroad. Collection of Scientific

* The author brings sincere gratitude to Prof. Joanna Schiller-Walicka for her assistance in correspondence especially during the illness of her husband and of course for the permission to publish the letters.

- Articles Devoted to the 70th Anniversary of the Department of History of Russian Philosophy]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 2013. 687 pp. (In Russian)
- Maslin, M.A. “‘Potok idei’: Novaya kniga Andzheya Valitskogo” [‘The Flow of Ideas’: New book by Andrzej Walicki], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2016, Vol. 9, No. 2, pp. 127–137. (In Russian)
- Maslin, M.A. “A. Walicki o russkikh filosofakh kak kritikakh marksizma” [A. Walicki about Russian Philosophes as Critics of Marxism], *Kontsept: Filosofiya, religiya, kultura*, 2019, No. 4 (12), pp. 16–21. (In Russian)
- Maslin, M.A. “Andzhei Walicki kak istorik russkoi filosofii” [Andrzej Walicki as the Historian of Russian Philosophy], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 7: Filosofiya, 2014, No. 6, pp. 108–121. (In Russian)
- Maslin, M.A. “Russkaya filosofiya v katolicheskoi filosofsko-bogoslovskoi mysli XX veka” [Russian Philosophy in XX Century Catholic Philosophical-Theological Thought], *Tetradi po konservatizmu*, 2016, No. 3, pp. 149–165. (In Russian)
- Maslin, M.A. *Raznolikost’ i edinstvo russkoi filosofii* [Diversity and Unity of Russian Philosophy]. St. Petersburg: RKhGA Publ., 2017. 526 pp. (In Russian)
- Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 655 pp. (In Russian)
- Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* [Russian Philosophy. Encyclopedia], 3rd ed. Moscow: Mir filosofii Publ., 2020. 919 pp. (In Russian)
- Maslin, M.A. & Bobyleva, D.E. “Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya ‘Filosofiya prava v Rossii (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya P.I. Novgorodtseva)’” [All-Russian Scientific Conference ‘Legal Philosophy in Russia (Towards 150-years jubilee of P.I. Novgorodtsev)’], *Solovevskie issledovaniya*, 2016, No. 4, pp. 186–187. (In Russian)
- Walicki, A. “Dva oblika Gertsena: filosofiya svobody i ‘russkaya ideya’” [Two Faces of Herzen: Philosophy of Freedom and ‘Russian Idea’], *Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud’by Rossii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 200-letiyu A.I. Gertsena (Institut filosofii RAN, 20–21 iyunya 2012 g.)* [Alexander Ivanovich Herzen and Historical Fate of Russia. Materials of International Scholar Conference devoted to 200 years jubilee of A.I. Herzen. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences 20–21 June, 2012)]. ed. A.F. Yakovleva and V.L. Sharova. Moscow: Kanon+ Publ., 2013, pp. 30–43. (In Russian)
- Walicki, A. “Russian Philosophers of the Silver Age as Critics of Marxism”, *Russian Thought after Communism. The Recovery of a Philosophical Heritage*, ed. by J. Scanlan, M.E. Sharpe. Armonk. Armonk, N.Y.; London: M.E. Sharpe, 1994, pp. 22–36.
- Walicki, A. *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*. Stanford: Stanford University Press, 1979. 456 pp.
- Walicki, A. *Filosofiya prava russkogo liberalizma* [Legal Philosophies of Russian Liberalism], trans. by O.R. Pazukhin et al. Moscow: Mysl Publ., 2012. 567 pp. (In Russian)
- Walicki, A. *Idee i Ludzie. Próba autobiografii*. Warszawa: ASPRA – JR, 2010. 493 s. (In Polish)
- Walicki, A. *Istoriya russkoi mysli ot prosveshcheniya do marksizma* [A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism]. Moscow: Kanon+ Publ., 2013. 480 pp. (In Russian)
- Walicki, A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. Oxford: The Clarendon Press, 1987. 472 pp.
- Walicki, A. *O Rosji Inaczej*. Warszawa: Fundacja Oratio Recta, 2019. 363 s. (In Polish)
- Walicki, A. *Osobowość a historia*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1959. 480 s. (In Polish)
- Walicki, A. *Rossiya, katolichestvo i pol’skii vopros* [Russia, Catholicism and Polish Question], trans. by E.S. Tverdislova. Moscow: Moscow Univ. Publ., 2012. 624 pp. (In Russian)
- Walicki, A. *Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973. 668 s. (In Polish)
- Walicki, A. *Spotkania z Miłoszem*. Londyn: Aneks, 1985. 197 s. (In Polish)
- Walicki, A. *The Controversy Over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of Russian Populists*. Oxford: The Clarendon Press, 1969. 196 pp.
- Walicki, A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 877 pp.
- Walicki, A. *The Slavophile Controversy*. Oxford: The Clarendon Press, 1975. 600 pp.

- Walicki, A. *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the Circle of Conservative Utopia. Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism], trans. by K. Dushenko. Moscow: NLO Publ., 2019. 703 pp. (In Russian)
- Walicki, A. *W kregu konserwatywnej utopii*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 490 s. (In Polish)
- Walicki, A. *Zaris myśli rosyjskiej. Od Oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 862 s. (In Polish)
- Walicki, A., DeBlasio, A., De Dzhordzh, R.T. et al. "Vospominaniya o Dzheimse Skanlane" [Reminiscences about James Scanlan], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2017, Vol. 10, No. 3, pp. 164–196. (In Russian)
- Żahowska, M. *Od koncesjonowanej opozycji do politycznej subkultury*. Torin: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2015. 360 s. (In Polish)